

рошлом веке к линии холма, на котором расположена церковь Елегнамор, деревня Ченгелли приобрела уникальное культурное и историческое значение, а главная достопримечательность деревни почитаема жителями в память об армянских соседях.

Библиография

Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией. Тифлис, 1900.

Джалил Д. Восстание курдов в 1880 г. М., 1966.

Лазарев М.С., Мгои Ш.Х., Васильева Е.И., Гасратян М.А., Жигалина О.И. История Курдистана. М., 1999.

Пирбари Д. Езиды Сархада. Тбилиси; М., 2008.

Д.Н. Прасолов

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАБАРДИНЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)¹

Завершение военно-политического покорения Кабарды в 1822 г. и реформы 1860-х годов существенно изменили условия воспроизводства этнокультурной идентичности кабардинцев. Между этими событийными рубежами происходила существенная трансформация основ традиционного кабардинского общества — военно-аристократически организованного и известного своей тщательной этикетной регламентацией. Несмотря на очевидно кризисное состояние всего комплекса соционормативного регулирования, меняющееся кабардинское общество воспроизводило традиционный уклад, но в существенно измененном виде, адаптированном к новым социально-политическим условиям. Институциональной средой этого процесса оставалась сельская

¹ Исследование выполнено по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» в рамках направления «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре» по проекту «Идентичность в поисках традиции: народы Кабардино-Балкарии в государственно-политических и социокультурных трансформациях».

община, в сферах жизнедеятельности которой отражались основные социокультурные трансформации.

Пореформенное развитие кабардинской деревни представляло собой сложный и внутренне противоречивый процесс. Его характер был обусловлен взаимодействием в организационных рамках сельской общины стадийно и типологически различных социальных систем. Директивная политика царских властей, недостаточно учитывавшая местную специфику, механически водворяла в Кабарде общероссийские общинные распорядки. Их распространение в рамках традиционного общественного уклада кабардинцев отчасти сталкивалось с неприятием коренного населения, в основном сопровождалось избирательным усвоением новаций и, по существу, стало компромиссным взаимодействием разнородных социальных традиций. В середине 1860-х годов с ликвидацией в кабардинской деревне вотчинной администрации существенной перестройке подверглись экономические отношения. Общинный характер хозяйствования прежде был выражен лишь в технологии производственного процесса, но не в способе и механизмах его организации. Пореформенная сельская община стала главным распорядителем пользующейся ею земли и получила возможность коллегиально решать все вопросы, связанные с использованием основного средства производства, координацией экономической деятельности домохозяйств и контролем над устанавливавшимися аграрными распорядками.

Однако отсутствие у коллектива непосредственных производителей опыта самостоятельного управления хозяйством деревни и наличие активного частного начала обусловили постепенную дезинтеграцию внутрисельских экономических отношений. Это в первую очередь отразилось на общинном землепользовании, которое на протяжении всего изучаемого периода не сложилось в унифицированную для всей Кабарды систему. Сочетание земельных захватов, уравнительного и дифференцированного наделения, подымного, а затем установившегося в некоторых селениях подушного землепользования чрезвычайно затрудняли упорядочение поземельных отношений, к чему с середины 60-х годов XIX в. стремилась царская администрация. Неоднократное вмешатель-

ство последней в традиционное пастбищное землепользование привело к существенным и необратимым изменениям в ведущих отраслях кабардинского хозяйства — скотоводстве и коневодстве. В конечном итоге дезорганизация поземельных отношений, противоречия традиционного хозяйственного уклада с неконтролируемо прогрессирующими товарно-денежными отношениями стали условиями, в которых назрел крупнейший социальный конфликт начала XX в. — Зольское восстание 1913 г.

Наряду с этим примером преемственности стало сохранение традиционной формы сельскохозяйственной кооперации: супруга в изучаемое время проявляла себя как форма взаимопомощи и вольнонаемная артель, осуществлявшая вспашку за натуральное или денежное вознаграждение.

Отмена крепостного права в 1866–1867 гг. и отстранение от власти феодальных владельцев аулов стали главными мероприятиями царской администрации, приведшими к реорганизации социальной структуры кабардинской деревни. Она проявилась в упразднении юридических оснований традиционной сословной иерархии, уравнивании прав бывших зависимых сословий с изначально свободными крестьянами, а также в развитии условий для завершения процесса «окрестьянивания» кабардинских князей и дворян.

В рамках общинной организации сохранялись устои традиционных межсословных отношений. Бывшие зависимые сословия многие годы ощущали пренебрежение со стороны остального населения. Крестьяне, особенно бедные, не избавлялись от рабства и покорности воле знатных односельчан. Отдельные представители княжеско-дворянских сословий, слепо убежденные в собственной исключительности, лишённые базовых традиционных атрибутов привилегированности — зависимых крестьян и феодальных землевладений — всячески пытались сохранить свое влияние на непривилегированное общинное население.

Важнейшим фактором формирования новой социальной структуры являлась имущественная дифференциация, которая затронула все сословные группы сельской общины. Главным критерием значимости в общественных отношениях становится

материальное благосостояние при сохранявшемся немаловажном значении традиционного сословного статуса. На смену традиционной сословной иерархии в административных отношениях приходила иерархия служебная во главе с сельскими старшинами. Обособленное положение в общинной администрации занимали сельские судьи, которые формально были независимы от старшины и должностных лиц правления.

Помимо учрежденных российскими властями административных органов (правления, сельского схода и суда) в общинной организации продолжали функционировать некоторые традиционные институты администрирования. Общественные доверенные исполняли разнообразные представительские функции внутри общины и за ее пределами, выражая интересы жителей на заседаниях Нальчикского Горского словесного суда и во взаимоотношениях с участковыми, окружными и областными властями. Доминирующую роль в общинном судопроизводстве играли посреднические (медиаторские) суды.

Традиционно функции судей-посредников осуществляли так называемые «почетные старики». В отличие от доверенных и медиаторского суда, они не были формально легализованным институтом. Тем не менее они оставались неотъемлемым атрибутом каждой общины, являлись общепризнанными неформальными лидерами и тесно взаимодействовали с официальными сельскими властями и российской администрацией.

Еще в середине XIX в. царская администрация добилась успеха в установлении контроля над сельскими духовными лицами: регламентировала их непосредственные обязанности, надзирала за кадровыми перестановками и санкционировала строительство капитальных мечетей. Эти действия преследовали цель унификации религиозной жизни сельских обществ в строгом соответствии с правилами, составленными Народным Кадием и съездом эфендиев, подконтрольных окружной администрации. Однако неоднократные попытки обязать общинников соблюдать инструкции оказались нереализованными.

Ключевыми элементами празднично-обрядовой жизни сельской общины являлись общесельские календарные торжества

аграрного цикла и так называемые кризисные ритуалы, совершавшиеся при наступлении природных катаклизмов. Как часть духовной культуры общественные обряды трансформировались медленно и в пореформенные годы сохранили патриархальную основу. Вместе с тем они целостно и органично вписались в рамки обновляющихся социальных отношений, отразив в принципах организации традиционных торжеств своеобразие структурных изменений в кабардинской деревне. Примером этому может служить расширение сословного состава участников обрядовых действий, связанное с размыванием традиционных сословных разграничений и снижением актуальности строгого соблюдения соответствующих этикетных условностей. Поквартальное проведение общинных празднеств стало в изучаемую эпоху традицией, что подчеркивало устойчивый характер тенденции на закрепление внутриобщинной разобщенности, появление новых социальных разграничений и подтверждало искусственность пространственной организации сельской общины. Вместе с тем элементы общегосударственной праздничной культуры, проникавшие в общественный быт, за исключением молений, приуроченных к имперскому календарю памятных дат, носили в основном надобщинный характер.

Таким образом, несмотря на множество социальных новаций, сопровождавших интеграцию кабардинского общества в состав Российской империи, функционировавшая в пореформенной кабардинской деревне общинная организация оказалась вполне приемлемой средой для воспроизводства базовых параметров этнокультурной идентичности кабардинцев. Это была новая традиция, не вполне соответствовавшая «классической традиции» суверенной Кабарды, но сохранявшая неформальную стабильность сословной дифференциации, многие элементы традиционной хозяйственной специализации, автономность религиозного уклада и традиции политической и правовой культуры, адаптированные к социокультурным новациям рубежа XIX–XX веков. Именно в этой, пореформенной, модификации традиционная модель этнокультурной идентичности сохранялась вплоть до начала первого этапа социалистической модернизации в конце 1920-х — в 1930-х

годах. Ее содержание уже было направлено на коренной слом базовых параметров традиционного кабардинского общества.

О.В. Старостина

БРАЧНЫЕ НОРМЫ У ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ: РАЗВОД

Развод в традиционном таджикском и узбекском обществе в конце XIX — начале XX в. не был частым явлением, но все же такая юридическая практика существовала и была зафиксирована некоторыми бытописателями и исследователями культуры региона. В основе норм, согласно которым проводилось расторжение брака, лежали правила шариата, строго фиксиовавшие порядок всех необходимых в этом случае процедур. Мусульманское право дополнялось обычным правом — адатом, нормы которого могли расширять, упрощать правовое поле мусульманского права, а иногда и входили в противоречие с ним. Однако (по преобладающему в исламской юриспруденции мнению) обычное право (адат) может служить «оправданием даже отхода от некоторых предписаний Корана и Сунны» [Сюкияйнен 1997: 19].

Термин *талак* — развод — означает развязывание узла, прекращение отношений. Согласно мусульманскому праву это достаточно сложная, длительная по времени, многоступенчатая процедура. В шариате существует одна форма окончательного развода и несколько форм временного, при котором муж в любой момент может снова начать сожителство с женой. Случаи такой практики не были зафиксированы среди таджикского и узбекского населения.

Для оседлых народов Средней Азии характерным правовым актом являлся окончательный развод. Согласно нормам шариата такая форма развода занимала более трех месяцев. Супруг, намеревавшийся развестись, должен был произнести в присутствии нескольких свидетелей *талак*, после чего необходимо было дожидаться месячных очищений женщины, через месяц данная процедура повторялась еще дважды. Только после окончания всего сро-